

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Заканчиваю пересказъ интересной статьи Балка «о тактикѣ русской пѣхоты за послѣдніе 30 лѣтъ» по декабрьской книжкѣ «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine» ¹⁾).

Русскій уставъ, явившійся результатомъ опыта русско-турецкой войны, представляетъ большой историческій интересъ; но нужно помнить, что при составленіи его руководились не непосредственно боевымъ опытомъ, а теоретическими выводами Драгомирова. «Инструкція для боя» генерала Буланже проводила подобныя же воззрѣнія тактики удара и чрезмѣрнаго расчлененія въ глубину. На нѣкоемъ разборѣ маневра русскихъ войскъ въ началѣ девяностыхъ годовъ говорилось: «атакующій извлекаетъ изъ огня мало пользы; ему важно быстро и безостановочно наступать, чтобы скорѣе дойти до штыкового боя; его боевой порядокъ долженъ болѣе равномерно эшелонироваться въ глубину; оборонѣ нужны частныя, довольно сильныя резервы, которые постепенно вливаются въ боевую линію и подталкиваютъ ее; атакующій можетъ имѣть болѣе слабую стрѣлковую цѣпь, чѣмъ обороняющійся».

Въ такомъ же духѣ написанъ строевой пѣхотный уставъ 1900 г. и наставленіе для боя трехъ родовъ оружія 1901 года; они вполнѣ пропитаны идеями Драгомирова. Основнымъ видомъ боя явилось наступленіе; различіе между встрѣчнымъ и преднамѣреннымъ боемъ не было установлено; необходимость добиваться огневого превосходства не была подчеркнута; огневой бой, который вела боевая часть, стрѣляя залпами, являлся только подготовкой массоваго удара, который наносили резервы. Расчлененіе въ глубину вело къ узкимъ фронтамъ. Наступленіе раздѣлялось только на два періода: 1) движеніе на послѣднюю стрѣлковую позицію и подготовка штурма; 2) штурмъ.

Балкъ подробно разбираетъ нашъ строевой пѣхотный уставъ 1900 года; пропускаемъ характеристику этого устава, хорошо памятнаго нашей арміи; отмѣтимъ только, что уставъ видѣлъ лучшее средство уменьшить потери отъ непріятельскаго огня въ движеніи впередъ; наступленію содѣйствовали особыя ружейныя батареи; подчеркивалось особое предпочтеніе къ залповому огню; расходование резервовъ должно было вестись бережливо; повидимому, къ содѣйствію баталіонныхъ резервовъ полагали возможнымъ прибѣгнуть, дойдя до 300—400 шаговъ до противника; до рѣшительнаго удара начальникъ ни въ коемъ случаѣ не имѣлъ права израсходовать свой послѣдній резервъ. Достиженіе превосходства въ огнѣ представлялось желательнымъ, но отнюдь не являлось необходимымъ условіемъ для начала штурма.

¹⁾ См. «Воен. Сборн.» 1908 г. № 12, стр. 271.

Съ такими тактическими воззрѣніями русская армія начала войну съ японской. Обстоятельства складывались еще болѣе неблагоприятно, чѣмъ въ русско-турецкую войну. Большую часть дѣйствующей арміи образовывали вновь сформированныя части; армія не была сосредоточена къ началу военныхъ дѣйствій, и задача полководца свелась не къ уничтоженію противника, а къ выигрыванію времени. Этимъ объясняется эшелонированіе войскъ вдоль пути отступленія и ухищренія съ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ позицій; въ результатѣ войскамъ въ первые мѣсяцы войны пришлось драться противъ численно превосходнаго противника. Искусственно воспитанное въ войскахъ стремленіе наступать оказывается несоответственнымъ; атаки, предпринимаемыя безъ огневой подготовки, остаются безрезультатными, и войска бросаются въ противоположную крайность. Балкъ считаетъ превосходной слѣдующую японскую характеристику нашей арміи: «большая часть солдатъ не получила школьнаго образованія; солдаты сильны, высокаго роста, неутомимы на походѣ, въ бою проявляютъ большое упорство и выдержку, почему ихъ противнику надо остерегаться необдуманныхъ распоряженій. За то русскій солдатъ недостаточно строго дисциплинированъ, недостаточно развитъ въ духѣ почина; уже частичная неудача приводитъ его въ уныніе. Стрѣлковая подготовка весьма поверхностна, такъ какъ упражненій въ боевой стрѣльбѣ производится очень мало. Пѣхота охотно примѣняетъ косою огонь. Предпочитается употребленіе штыковъ. Весьма любятъ поиски и атаки на разсвѣтѣ. Такъ какъ при наступленіи можно использовать малѣйшій успѣхъ, то рекомендуется наступать самимъ, дабы воспрепятствовать русскимъ одержать и небольшіе частные успѣхи. При оборонѣ русскіе склоняются къ занятію передовыхъ позицій, но не умѣютъ примѣняться къ мѣстности; въ горахъ и на мѣстности закрытой они дѣйствуютъ весьма неуклюже. Занимая укрѣпленную позицію, они подпускаютъ атакующаго на близкое разстояніе, чтобы затѣмъ засыпать его огнемъ». По какому-то странному случаю не упомянуты склонность къ ударной тактикѣ и пристрастіе къ встрѣчнымъ фронтальнымъ атакамъ.

Слабыя и сильныя стороны японской арміи были извѣстны русскимъ въ достаточной степени; они внимательно наблюдали за борьбой Японіи съ Китаемъ; наконецъ, Куропаткинъ лично изучилъ японскую армію. Куропаткинъ въ объявленной имъ 28-го апрѣля 1904 года инструкціи вѣрно очерчиваетъ достоинства врага по опыту войны 1894—95 годовъ. Онъ нашелъ нужнымъ еще разъ освѣтить причины плевненскихъ неудачъ—это лучше всего доказываетъ, что Куропаткинъ полагалъ, что эти ошибки въ арміи не вполнѣ еще устранены. Куропаткинъ выказываетъ себя далѣе противникомъ Драгомировскихъ воззрѣній; невольно возникаетъ вопросъ, почему онъ раньше, будучи военнымъ министромъ, не боролся съ ними?

Въ своихъ инструкціяхъ генераль Куропаткинъ говорилъ о нашей неподготовленности къ веденію наступательнаго боя, о нашей склонности къ сомкнутымъ строямъ, къ безостановочному движенію впередъ, о неумѣннн подготовитъ рѣшеніе огнемъ и неумѣннн распорядиться резервами, даже послѣ выясненія направленія главнаго удара непріятеля.

Въ теченіе войны Куропаткинъ обнаружилъ стремленіе выдѣлять сильные резервы и предпринимать наступленіе только тогда, когда онъ точно освѣдомится о силѣ и расположеніи противника; такимъ образомъ, онъ ставилъ свое рѣшеніе въ зависимость отъ воли противника. Стремленіе разбитъ врага было слабѣе желанія защититься отъ его ударовъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ заключенія Портсмутскаго міра умеръ Драгомировъ. Его вліяніе на развитіе русской тактики вполнѣ очевидно—очевидно и его участіе въ пораженіи. Его ученіе, основывавшееся первоначально на здоровыхъ началахъ, вслѣдствіе увлеченій приносило вредные плоды. Однако, причины неудачъ лежатъ глубже: не вдаваясь въ обсужденіе вины всего русскаго народа, которое завело бы его слишкомъ далеко, Балкъ указываетъ, что въ Маньчжуріи повторяются всѣ тѣ стратегическіе и тактическіе промахи, которые и въ русско-турецкую войну, послѣ второй Плевны, поставили русскую армію въ весьма критическое положеніе. Балкъ представляетъ, что ошибочное управленіе, недостаточная развѣдка, разброска силъ, неуваженіе къ войсковой организаціи и другія причины неудачъ имѣютъ корень въ русскомъ народномъ характерѣ, а потому не могутъ быть искоренены изъ арміи кровавыми уроками войны. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда войска имѣли опору въ высшемъ командованіи, войска всегда выполняли свою задачу.

По окончаніи войны нельзя было сейчасъ же приступить къ коренной реформѣ, тѣмъ болѣе, что явилась необходимость прежде всего упорядочить внутреннюю жизнь государства. Очерчивая первоначальную дѣятельность комитета по образованію войскъ, Балкъ полагаетъ, что русская армія, не желая пожертвовать здоровой сущностью Драгомировскаго ученія, стремится освободиться отъ вредныхъ увлеченій. Большой шагъ впередъ представляетъ новое наставленіе для обученія стрѣльбѣ. Курсъ боевой стрѣльбы проходитъ почти исключительно въ положеніи лежа; цѣли даются преимущественно низкія; особенное вниманіе обращено на обученіе скорому огню и на стрѣльбу послѣ наступленія шагомъ или бѣгомъ. Ограниченіе случаевъ примѣненія залпового огня является весьма полезнымъ для поднятія искусства стрѣльбы. Соответственнымъ образомъ былъ разрѣшенъ вопросъ о пулеметныхъ командахъ въ пѣхотѣ.

Затѣмъ Балкъ переходитъ къ описанію современныхъ тактическихъ воззрѣній русской арміи. Онъ внимательно разбираетъ при-

казы о боевой подготовкѣ войскъ по Казанскому и, въ особенности, по Варшавскому военному округу, утвержденный весной 1908 года строевой пѣхотный уставъ и статьи капитановъ Дегтярева, А. Рябина и В. Лебедева, хорошо извѣстны нашему военному обществу.

Указанный Лебедевымъ приемъ наступленія не согласуется въ существенныхъ чертахъ съ дѣйствительностью русско-японской войны. Характернымъ для него является широкое примѣненіе при наступленіи огня и лопаты. Чрезмѣрное употребленіе лопаты обуславливаетъ слабость наступленія: увлекаются желаніемъ обезпечить себя отъ пятнаго движенія и упускаютъ изъ виду самое важное—необходимость подавить противника сосредоточенными усилиями всѣхъ стрѣлковъ. Ничтожныя укрытія, вырытыя въ лежачемъ положеніи едва ли, по мнѣнію Балка, доставятъ дѣйствительную защиту.

Противникамъ русской пѣхоты важно имѣть въ виду, во-первыхъ, что русскіе не будутъ представлять имъ большихъ, отчетливо видимыхъ цѣлей, и, во-вторыхъ, что русскіе будутъ стремиться, хотя бы малыми силами, обстрѣлять непріятеля фланговымъ огнемъ.

Трудно предсказать, какъ далѣе будетъ развиваться русская тактика. На войнѣ оборона не привела къ побѣдѣ; войска въ этомъ виноваты менѣе, чѣмъ начальники, коимъ не разъ улыбалась побѣда. Отъ побѣды до пораженія очень близко; русскіе же начальники хотѣли дѣйствовать навѣрняка и не доводили сраженія до конца.

Однако, не оправдалась и наступательная подготовка въ духѣ Драгомирова. Весьма вѣроятно, что въ Россіи создадутся такія же условія, какъ въ Австріи послѣ войны 1866 года. Въ Австріи первый уставъ 1868 года предписывалъ еще наступленіе въ видѣ удара въ штыки, но на маневрахъ стремились избѣжать рѣшенія и умѣряли наступленіе. Австрійскій уставъ 1874 года ввелъ накапливаніе впередъ; онъ стремился уменьшить потери полнымъ использованіемъ самыхъ маловажныхъ укрытій и ограниченіемъ размѣра представляемыхъ противнику цѣлей. Для русской арміи вѣроятно наступитъ такой же переходный періодъ, какой пережили англичане послѣ войны съ бурами: онъ отмѣчается осторожной тактикой, подавленной желаніемъ уменьшить потери. Это стремленіе проглядываетъ во многихъ мѣстахъ новаго русскаго устава.

Дорогую цѣну заплатила русская армія за свой боевой опытъ. Стратегическая обстановка въ Маньчжуріи съ самаго начала обрекла ее на оборону; армія ознакомилась со всѣми невыгодами обороны, она сознала, что неудачная оборона въ корнѣ подрываетъ духъ войскъ, и въ моральномъ отношеніи ведетъ къ худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ неудавшееся наступленіе. Опасно въ мирное время говорить арміи о наступленіи и не давать ей къ тому средствъ. Ученикъ Скобелева, Куропаткинъ, въ періодъ мира берегъ его на-

ступательныя тенденціи. Интересно и весьма поучительно въ педагогическомъ отношеніи было бы сравнить его воззрѣнія до войны съ боевой дѣйствительностью. Куропаткинъ былъ противъ войны съ Японіей; онъ не вѣрилъ въ счастливый исходъ, и это ему очевидно мѣшало все поставить сразу на карту. Тактическое обученіе—задачи на планахъ, военная игра, полевая поѣздки—соблазняетъ насъ къ предпочтевію наступленія: руководитель всегда легче отнесется къ, быть можетъ, непримѣнному на дѣлѣ рѣшенію наступать, чѣмъ къ рѣшенію обороняться, когда возможно наступать. «Если теоретически переполненному наступательнымъ духомъ офицеру на войнѣ будетъ предложена нѣсколько сложная самостоятельная задача, то все искусственное, наносное тотчасъ же исчезнетъ безъ слѣда; каждый будетъ поступать такъ, какъ подсказываетъ ему его непосредственное внутреннее «я». Слабый навѣрно будетъ придерживаться обороны, такъ какъ наступленіе по плечу только духовно сильной личности. Даже если школьныя знанія теоретически образованнаго, но индивидуально слабого офицера и будутъ толкать его на путь наступленія, то все же онъ не будетъ наступать и скажетъ себѣ: ни одинъ изъ 99 случаевъ, когда я долженъ наступать, здѣсь не имѣетъ мѣста; къ сожалѣнію, здѣсь сотый случай, когда я долженъ обороняться»¹⁾.

Наступленіе и оборона равноправны, но кто хочетъ побѣдить, а не только отбиваться отъ ударовъ противника, тотъ долженъ наступать. Но если мы хотимъ наступать, мы должны воспитать и подготовить войска для наступленія. *Наступательный духъ и ударная тактика—это два совершенно различныхъ понятія.* Для успѣшнаго наступленія требуется превосходство въ числѣ, вооруженіи и управленіи, и, въ особенности, воинскій духъ (боевая цѣнность) солдатъ. Послѣдняго русскимъ не хватало. Для образованія воинскаго духа недостаточно воспитанія въ преклоненіи передъ штыкомъ и наступательныхъ стремленій на словахъ; воинскій духъ является слѣдствіемъ всего воспитанія народа, мирнаго обученія и готовности народа и его вождей на самопожертвованіе. Подъ Шпихерномъ и Вертомъ, на поляхъ сраженій 16-го и 18-го августа побѣдило не число, не лучшее управленіе; перевѣсъ дало высшее боевое достоинство нѣмецкихъ войскъ. То же было и въ Маньчжуріи. Надо заботиться всѣми средствами о развитіи наступательнаго духа войскъ; надо вселить желаніе, охоту наступать; надо относиться снисходительно къ зарывающейся впередъ молодежи; но надо помнить, что внѣ необходимыхъ условій, съ войсками, находящимися не на высшей ступени боевой подготовки, безъ полного использованія пріобрѣтеннаго искусства стрѣльбы, мирныя стремленія къ наступленію вырождаются на войнѣ въ связанную съ большими потерями и малоуспѣшную тактику удара.

А. Свѣчинъ.

¹⁾ Генераль Портъ.